

МАГИЯ КОРОТКОЙ СТРОКИ ВОСЕМЬ НОЛЬ

Вячеслав Осиновских

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вячеслав Осиновских

**Магия короткой
строки восемь ноль**

«Автор»

2026

Осиновских В.

Магия короткой строки восемь ноль / В. Осиновских — «Автор»,
2026

В небольших рассказах всегда присутствует магия, короткометражное волшебство, которое погружает с головой, а под конец оставляет привкус пустоты... и всюду оно - воображение, каждому свое.

© Осиновских В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Двое в лабиринтах одного маяка	5
2. Скотобойня для белого мотылька	7
3. Приговоренная зависимость	10
4. R136a1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вячеслав Осиновских

Магия короткой строки восемь ноль

1. Двое в лабиринтах одного маяка

*Мы больше не переживем эти ужасные
времена
из предсмертного письма Вирджинии Вульф мужу*

*- Что между тобой и Геральтом,
госпожа Йеннифэр? - Грусть. Тоска. Обида. Сожаление. Надежда.
И страх. Да, похоже, я ничего не упустила.
Андрей Сапковский*

- Знаешь, отсюда прекрасно все видно. Видно, как твое неизбежное пламя пронзает шипастую тьму, а она, росчерк за росчерком, огонек за огоньком, утрачивает свою абсолютную власть, почти что установленную ради того, чтобы укрыть всех мертвым холодом слепоты без надежды на один, всего лишь один, следующий день. Узри же, как полосы твоего пламени, словно хаотичный рисунок одержимого, - росчерками петляют, из стороны в сторону швыряют, страхами мельчают, ни секунды в постоянстве не пребывают, но упрямо курса не меняют, лишь изредка, для виду, мельчайшей щепоткой, поддаваясь тьме, а углубляющиеся отражения только подтверждают, что твое пламя совершенно точно не стремится за горизонт событий, словно ты и не хочешь уходить. Неужели есть какая-то весома причина, какой-то определенный смысл существования этого неловкого, разреженного, нервного, но столь естественно преломляющегося света?

- Знаешь, отсюда прекрасно все слышно. Слышно, как твой многочисленный шум превозносит миллионы звуков, среди которых громче всего – звездная тишина, покрывающая текущий мир и вызывающая очарование до остановки дыхания, и даже вся та скромная пыль, которой упрямо шелестит ветер, не спешит нарушить эту идиллию. Услышь же, как завистливые чайки, да бесконечные волны вторгаются в это отнюдь не глухое умиротворение, разукрашивая тишину то шепотом штиля, то бойкими пощечинами волн о скалы, то размеренными качелями, подчиненными всемогущим силам природы, чтобы в какой-то миг разрушиться друг о друга с космическим грохотом, когда весь этот многочисленный оркестр совершенно точно продолжит свою почти что джазовую импровизацию за импровизацией, словно ты и не хочешь уходить. Неужели есть какая-то весома причина, какой-то определенный смысл существования этого нестройного, нестабильного, непредсказуемого, но столь вечно упрямого благозвучия?

Во всем этом было что-то очевидно понятное и не мудрецу. И пламя, и шум придавали всему сущему смысл даже в одной лишь этой случайной точке, в отдельно взятом скромном мирке, окруженном целой вселенной, могущественно нависшей со своим вечным двигателем неисчерпаемости. Иначе, чтоб они делали впотьмах? Чтоб они делали, будь все в унисон? Так и они, эти пламя и шум, двигались в разных направлениях, но никогда, на самом деле, не исчезали отсюда, – пламя порождалось в этом их маяке, упрямо проплывало к самой линии горизонта, одаряя своим светом, и возвращалось назад; а шум летел со стороны этой линии, вбирая в себя непредсказуемую силу, разворачивался и снова мчал обратно. Разница в них была настолько же нужной, насколько обидной: мало кто думает, что шум гораздо больше располагает пламени, чем тишине, тогда как пламя – шуму, но не тьме. Но почему и вчера, и

сегодня, и завтра пока пламя распыляет тьму, а шум тревожит тишину, они упорно проходят мимо друг друга?

Шаг за шагом – и попытка убежать, и сбежать, и запутать, и запутаться. Пламя направо, налево, вперед, направо, направо, назад и снова налево; шум – налево, направо, назад, налево, налево, вперед и снова направо. Нарочно не придумаешь, но каждый раз это всегда такой лишь странный в своей изощренности путь: мимо, по соседству, но как можно ближе, чтобы не ощущать, а, словно в наказание, лишь представлять. Представлять мерцающее дыхание, случайное прикосновение, мгновение единения, слишком громкий шепот и отчаяние. Деятельное такое отчаяние, как то самое пресловутое раскаяние, в котором лишь бы потонуть, но которого пока нет, но которое вот там вот, в той самой вечности, до которой лишь шаг. Шаг, и один лишь вопрос отражается в искренней в своей сокровенности безумной песне, в которой всегда глупости и серьезности сосуществуют там, где все сложное кажется простым, а непонятное обдуманным. Их клетка, этот непреодолимый лабиринт, существует по начертанным законам обыденных глупцов, ничего не понимающих, но кивающих и цокающих, да мудро приговаривающих, что меньшее все же лучше, чем все. Ну, все то самое невероятное, что нарочно не взрастить, не привлечь, не породить.

И снова, и снова, за спланированным поворотом, шаг вперед и два назад – и у пламени в его стоическом упрямстве, и у шума в его героической надежде. И даже звучание их имен это яркость пламени и шипение шума, все еще такие несочетаемые и все еще такие единые. И кто-то гадко кряхтит, что невозможно выбраться, если того не желать. И кто-то злобно стрекочет, что невозможно найти того, кто не ищет тебя. Одно неизменно: однажды искусственно возведенным стенам перед ликом бесконечности предопределено-таки рухнуть под силами пламени и шума, и ни бог, ни целая вселенная, ни еще более могущественное необъяснимое рискнут построить новые преграды вдоль истинного отражения.

...в конечном итоге «после стольких лет – всегда» это ведь всегда не просто слова, а «далее – больше» это ведь больше, чем просто надежда. И все лабиринты однажды преодолеваются, и вновь прикасаясь друг к другу, и пламя, и шум с удивлением ощутят то же самое волнение, как тогда, в тот самый первый раз, когда никто из них еще не думал категориями зачем-то навязанной им гниющей пустоты.

2. Скотобойня для белого мотылька

Белый мотылек взбрыкнул крыльями и улетел с цветка.

Перелетел на другой и скукожился.

Холодный ветер обдувал его крылья, превращая их прозрачность в тонкую пелену льда.

Вокруг не было ничего. Никого. Никого, кто мог бы взлететь также высоко.

А для белого мотылька высоко – это все, что он может. Даже его «высоко» это мерка только для него.

Он бы хотел выше. К небесам, стальным и печальным.

Хорошо, что ему не рассказали, что так можно. Что можно оттолкнуться от этого алого цветка и взмахнуть под самый край неба. Зато он не знал дна.

Жизнь коротка: только моргнешь, и солнце скрывается тьмой.

Белый мотылек прячется, укутывается в нее. Во тьме не расправить крылья, также как на солнце не хочется прятаться под листья.

Листья дышат, но не чувствуют. Они не примут его, не пригласят в свои объятия. Они тянутся также ввысь, к тому же теплому солнцу.

Белый мотылек тоже так хочет, но каждый раз ему остается лишь тьма.

Тьма примет. Она совсем не такая, как выглядит. Как, в конце концов, разглядеть что-то во тьме?

Но белый мотылек знает, что именно он ее и освещает. Видит светлячков и подражает им.

Смотрите, мол, я тоже чего-то стою. Я могу раствориться в этой тьме, и словно огонек отразить ее, словно краски - раскрасить. Ярко озарить то, что казалось пустым и несуществующим.

Белый мотылек дрожит при первых лучах солнца. Сырость, утренний бриз и яркий свет отталкивают его. Что с собой принесет эта высушивающая ярость? Одиночество? Опасность? Непредсказуемость?

Белый мотылек улыбнулся, если бы мог. Наверное, он даже улыбается. Новый день – новый свет. А что, если попробовать взлететь сегодня чуть выше? Вот туда, к этому бледному желтому диску. Вот туда, к этим молочным облакам. Там тоже ведь что-то есть.

Но ему страшно. Такие как он там не живут. Не взмывают. Не выживают.

Сквозь черные проплешины клубится дым. Хорошо тут. Привычно.

Белый мотылек вновь перелетел на другой цветок. Не жизнь. Красота!

Снова смотрит на то, что ближе. Тут тоже неплохо. Даже вкусно.

Вокруг кто-то снует туда-сюда. Белый мотылек хотел бы спросить – каково это – не здесь? Выше, дальше, там, где в общем-то немного страшно. Но никому нет дела до него – ведь свет ослепляет. Не позволяет сверкать.

Хочется снова под одеялко. В объятия доброй тьмы. Она примет. Не оттолкнет. Тьме не важно, что белый мотылек такой крохотный, что реши она его поглотить, никто бы и не заметил. Жизнь коротка – не надо моргать.

Белый мотылек скучает. Надо собраться, надо лететь. Может в этом и нет смысла, но так делают все, кто обращается к свету. Все, кто поглощается им.

Белый мотылек так не может. Он бы улыбнулся, если бы мог. Вместо этого он взбрыкивает крыльями и снова летит.

Не ввысь, нет. Вперед. Хотя можно ли говорить «вперед», когда это – «вбок»?

Белый мотылек пожал бы крыльями, словно плечами. Наверное, он так и делает, потому что хочет.

Хрупкие крылья отражают ветер и не превращаются в лед. Жизнь, в конце концов, на то и дана, чтобы ее наполнять. Заполнять. Все время куда-то перелетать.

В капельках видно его отражение. Белый мотылек расправляет крылья и вдруг осознает, что совершенен. Да, не такой как все эти странные летающие, копошащиеся, ходящие и скачущие вокруг. Но в этом отражении – глаза в стекле – он совершенен.

Почему же не совершенен свет, который его окружает?

Скалится.

Не принимает.

Но и он не цепляет его. Не дает того, что есть в этой таинственной тьме, в дребезжащей тишине которой так уютно.

Свет все-таки красив. Но лишь в те короткие минуты, когда он гаснет. Бледный солнечный диск краснеет, в последний миг озаряя все розовой пленкой. Белый мотылек чувствует, что тьма, родная, почти тут. Миг холода, и он снова в ее объятиях.

Но что-то не то. Она больше не гладит его. Не прижимает к себе. Не хватает в объятия. Она словно стирает все, что он так ждал.

И белый мотылек падает. Летит в пропасть. Пропасть, которую он не познавал раньше до той степени дна, от которой он когда-то так высоко оттолкнулся и взлетел.

Каменистая почва не греет. Листья все так же бездушны. А сверху больше нет ничего, к чему стоило лететь сломя крылья. Туда, в то место, которое его.

Тут нехорошо. Тьма бросила его туда, где даже ей до него нет никакого дела. А серебристые крылья еще не погасли. Еще источают свет, пусть и затухающий.

Что-то или кто-то сквозь зубы шепчет. Слова не имеют значения. Не помогут избежать нового рождения. Переползая от камешка к камешку, белый мотылек ищет. Ищет то, что спасет. Вытащит. Даст зацепиться за стебелек. Прожить еще секунду, прицепляясь за тьму, как единственный источник света.

Камни катятся, мчит вода. Ветер разводит хоровод. Грязь. Всюду брызжет грязь.

Б-р-р.

Грязь выплескивается вокруг. Выплевывается. Кричит, что она тоже своего рода тьма.

Белый мотылек ощущает тепло. Грязь на его крыльях иссыхает, и оказывается, что вокруг снова свет. Вновь эта высь. Вновь это небо. Теплый дождь. Прозрачное солнце сквозь редящие облака мерцает светом. Тепло.

Белый мотылек не понимает, что чувствует. А что он должен чувствовать? Что ощущать?

Может быть то, что ему все это померещилось? Может быть то, что иначе быть не могло?

Он ползет по ледяному стеклу и видит, что свет его померк. Отражение словно нарисованное. Ненастоящее.

Если там, наверху, он не нужен даже тьме, то в чем смысл взбрыкивать крыльями?

Белый мотылек проверит. Устремится ввысь. Еще раз. Там, где когда-то были объятия сладостной тьмы.

А может лучше не стоит? Зачем заходить туда, откуда будет потом страшно выйти?

Ветер подхватывает его и выталкивает со дна. Из пропасти, где все бессмысленно.

И снова цветок. Яркий, красивый, теплый. Родной. Приятный. Отсюда не хочется выходить. Не хочется улетать, не хочется бояться. Теперь он знал, что там, в глубинах пропастей.

Белый мотылек может выживать. Иногда посматривать чуть выше, надеясь увидеть рассвет. Думать о том, чем живет жизнь там, наверху. А может взлететь и дать крыльям волю.

Тогда и тьма примет его, и свет разглядит. Осветит путь даже в миг глубочайшего отчаяния. Поддержит тьму в ее признаниях. Простое превратит в сложное, чтобы доказать, что однажды будет наоборот.

Белый мотылек и сам, в конце концов, может освещать тьму. Не раздражать свет, а быть с ним заодно. Растворяться в нем и брать силы, чтобы укутать тьму.

Ведь он и есть свет, и он же – есть тьма. Смотря как посмотреть в свое отражение и насколько высоко искать то, чего белый мотылек так сильно хочет.

3. Приговоренная зависимость

В этой пустоте не было ничего родного.
И, в то же время, - было.
Все.
Все, кроме безразличия.
На самом деле, то, что безразличия не было, - удивляло.
Казалось бы, пустота на то и пустота, что ничего в ней не должно было быть.
Здесь были звуки. Звуки тишины. Гулкие, всевозвращающие, своим объемом разрывающие тебя изнутри.
И в то же время успокаивающе убаюкивающие. Как колыбельная от матери.
И сердце бьется, эхом стремясь к другому. Родному.
Но его здесь нет.
Хотя нет ничего, что согрело бы в этот час.
Да что, в этот. В любой другой оставшийся – тоже. Это неизбежно.

В этой неизбежности не было ничего предопределенного.
И, в то же время, - было.
Все.
Все, кроме бессилия.
Но когда она наступила, когда она накрыла собой все, что было, - руки должны были опуститься.
Нет, неизбежность всегда дает второй шанс.
Теряешь счет времени.
Кап-кап-кап.
Откуда-то издалека. Каждый раз все тише, разбиваясь о ту же тишину.
В один чудесный день неизбежность начинает петь в унисон тишине.
Переставешь ее замечать, прощаешь, и в хранилище твоей памяти только золото. Это забывается.

В этом беспамятстве не было ничего предосудительного.
И, в то же время, - было.
Все.
Все, кроме прощения.
Прощение – это дар. Но обратная сторона каждого дара всегда упирается в проклятие.
И ты прикасаешься к божественному, к нереальному, к тому, что дано только тебе.
Чтобы потом ощутить, как оно выплывает из-под твоих пальцев.
Мечтаешь иметь десяток когтей, чтобы впиться.
Не выпустить.
Остановить. Когти ломаются, удерживать вечно невозможно.
И дар летит в пропасть. Сам захотел. Его вина.

В этой вине не было ничего оправдательного.
И, в то же время, - было.
Все.
Все, кроме самобичевания.
Ведь это так просто – обвинить себя. В этом есть толика жалости.

Крика миру, мол, смотрите, что все осознал.
Что проиграл.
Что не смог.
Что не такой, каким должен быть?
А каким должен? Тем, кто идеален? Не ошибается? Не сходит с пути?
И пока оглашают приговор, что-то в голове щелкает. Сердце бунтует, душа горит.
Слезы кипят.

В этих слезах не было ничего естественного.
И, в то же время, - было.
Все.
Все, кроме понимания.
Та капель тишины, вместе с теплотой родного сердца. То забыть. Разговоры по душам.
Сам с собой, конечно. В тишине особо не поговоришь.
Перебираешь пальцами, которые должны были быть когтями.
Вина гложет, и комок разрывает горло.
Кричишь.
Безмолвно, конечно, потому что даже если кто-то и услышит, то никогда не поймет.
Не поймет, ни за что не поймет. Не может такого быть, чтобы понял.

В этом непонимании не было ничего стоящего.
И, в то же время, - было.
Все.
Все, кроме отзывчивости.
Ни ты первый, ни ты последний. Так проще, да?
Конечно, нет.
Циклы и круги волнуют историков, да горе-писателей.
Можно долго рассуждать про тех, кто породил и тех, кто уничтожил.
Они всегда смотрят друг на друга в зеркало.
И ночь разрывается учащенным дыханием.
Нет уже крика. Нет даже самой ночи, когда за закрытыми глазами проносилась сонная надежда.
В ней все равно столько примеси обмана. Только вот обманываешь все того же человека в зеркале.

В этом обмане не было ничего хорошего.
И, в то же время, было.
Все.
Все, кроме спокойствия.
Все идет по плану, все идет по плану, все идет
Чтобы скатиться в тартарары. Так недолго поверить и в эти ваши круги, циклы и вообще.
Но так спокойно думать, что все хорошо.
Все хорошо? Точно-точно?
Да, все хорошо. Точно-точно.
Но лучше не отвечать. Игнорирование – это не ложь. Но и не спасение.

В этом спасении не было ничего плохого.
И, в то же время, было.
Все.

Все, кроме веры.

Она убивает. Она выжидает момент, когда ты наиболее слаб, и

Да вы сами все знаете.

Нет?

Попробовать передать?

Сотни ледяных игл вторгаются в твоё тепло. Каждая клеточка тела набухает как волдырь.

Взрывается.

Теряешь возможность говорить. Язык закатывается, губы трясутся. Синеют.

Там, где у всех нормальных людей находится сердце, - лишь грубая, омертвевшая плоть.

Как на рынке, в мясном.

Душа обычно сбегает прочь в такой момент.

В этом побеге не было ничего неожиданного.

И, в то же время, было.

Все.

Все, кроме привязанности.

Или что там должна испытывать душа к своему человеку?

Это ведь её приговор и наш дар.

Проклятие там, где нет ничего прекраснее. Катастрофа там, где ничего не предвещало.

Но ты все равно тянешь те самые пальцы, которые так и не стали когтями, и умоляешь.

Ну хоть ты останься, черт побери.

Не уходи. Может, впереди ещё что-то есть? Что-то новое.

Или что-то снова. Так не может же закончиться. Кто опускает руки, когда речь идет о зависимости?

В этой зависимости не было ничего одинокого.

И, в то же время, было.

Все.

Все, кроме пустоты.

4. R136a1

...десять...

Вы верите в эти рассказы, что есть ситуации, когда вся жизнь пролетает как несколько кадров на черно-белой пленке?

...девять...

Вжих, вжих. Это не кадры. Это система контроля.

...восемь...

Контроль нужен мне. Не кораблю. Столько лет меня тренировали его не терять и вот...

...семь...

Удивительно, сколько всего можно успеть подумать, когда слышишь, возможно, последний раз эти человеческие звуки, этот отсчет. Спокойствие голоса оператора – без надрыва, словно она считает со своим четырехлетним сынишкой.

...шесть...

Что я не успел?

...пять...

Что планировал, о чем мечтал?

...четыре...

Прошло столько времени, а я уже и не вспомню. Не доберусь до кадров, которые вместе со всеми старыми пленками где-то пылятся.

...три...

Но есть что-то...

...два...

Один лишь образ. Недостигаемый, но не оставляющий сомнений.

...один...

Сомнений в том, что мне это все нужно. Так надо. Все идет, как должно. Пуск!

...пшшшшш...

И лишь один образ будет сопровождать эти пятьдесят килопарсеков. Яркая, тяжелая, недостижимая звезда, конечно. Моя цель. R136a1. Никто не решался. Все отказывались.

Говорили, что это невозможно. Что человечество никогда не добьется таких высот. Никто из живущих, никто из миллионов наших потомков не должен даже думать о восхождении.

Корабль трясло, а я смотрел по сторонам, чувствуя себя как ребенок на аттракционе. На таком, вы знаете, где кидает из стороны в сторону, вверх-вниз, зигзагами и по бесконечности.

Наверное, именно это воспоминание было первым на моей черно-белой пленке.

Наши мамы щебечут, пока нас, совсем еще маленьких для такого развлечения, бросает из стороны в сторону. Мы сидим на какой-то дурацкой фигне, то ли чашки, то ли лебеди, которые двигаются в каком-то диком, непонятном танце, экстазе, припадке...

Я держусь, чувствуя, что приторно сладкий молочный коктейль, который я выпил за несколько минут до этого сомнительного геройства, так и норовит выйти из меня.

Но ты ты тоже несчастна. Тебя укачивает даже на переднем сиденье самого комфортного автомобиля, а эта хрень... что там, кстати, было все-таки? Может быть все-таки просто кабинки?

Как мама учила, я подал тебе руку, чтобы ты слезла с этой адской штуковины, но ты горделиво задрала носик, словно была самостоятельной с самого рождения, и слезла сама. Но я бы подавал тебе руку и в следующие миллионы дней.

Я тогда, правда, впервые в жизни засыпал, думая о будущем.

Сейчас я бы посмеялся, не ощущая вокруг себя никакого знакомого мне пространства. Но я тут только благодаря тебе.

Я представляю, как листаю фотоальбом. Мы выдержали это испытание. Я хотел еще. Не, не этот дурацкий аттракцион, но еще побыть с тобой. Да, я маленький, черт возьми, уже тогда знал, что хочу.

Но следующие кадры уже только спустя много лет. Мы не виделись очень долго... Я задавал в пустоту один лишь вопрос «почему?». Но судьба все-таки свела нас вновь. Когда дверь класса открылась и ты, со смешными немного нелепыми косичками и слишком большим бантом, скромно вошла вслед за училкой, я, кажется, оказался во сне. В том долгожданном, где все так легко получается. Где я парю. Где ты сверкаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.